

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА III¹⁾.

Сильное волненіе.

зрывъ народнаго чувства, произведенный страшнымъ описаніемъ Макъ-Гаана (Mac-Gahan) звѣрствъ, совершенныхъ турками въ Болгаріи, остался памятнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Въ первый разъ англійская демократія рѣшилась труднымъ, но дѣйствительнымъ путемъ народныхъ митинговъ и представительныхъ корпорацій наложить veto на правительственную политику.

Въ прежнія времена народные митинги часто служили предохранительнымъ клапаномъ для возбужденныхъ британцевъ. Но за исключеніемъ такихъ, которые открыто или тайно согласовались съ желаніемъ правительства, эти митинги бывали рѣдко достаточно представительны, чтобы выразить національное чувство и пользоваться довѣріемъ королевы и обѣихъ палатъ.

Волненіе по поводу Болгарскихъ жестокостей, первое въ длинныхъ лѣтописяхъ Англій, заставило демократію встрепенуться подъ вліяніемъ минутнаго импульса, не ожидая руководства своихъ лидеровъ. Пришлось новую иностранную политику ввести на мѣсто старой. Если когда-нибудь оправдалось старое изреченіе vox populi—vox Dei, такъ это въ этомъ случаѣ. Инстинктъ британской

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1910 г.

демократіи яснѣ видѣль, въ чемъ обязанность и настоящая польза Англіи, чѣмъ государственные люди въ Доунингъ-Стритѣ (Downing Street).

Первое время справедливость этой политики горячо оспаривалась меньшинствомъ публики. Но всякая борьба прекратилась, когда лордъ Сальзбери, облеченный званіемъ короннаго премьера и главы консервативной партіи, объявилъ, что становясь въ оппозицію съ требованіемъ народа, мы сдѣлали ошибку.

Вердиктъ исторіи поддержалъ распространителей извѣстій о жестокостяхъ 1876 года и рѣши въ Батакѣ, чтобъ замѣнить союзъ съ жестокой Турціей новымъ соглашеніемъ съ христіанской Россіей.

Это была по-истинѣ трудная минута, какъ замѣтилъ генераль Кирѣевъ лорду Августу Лофтусу, который въ депешѣ изъ Ливадіи сообщилъ, что рѣшеніе, принятое въ то время могло тѣсно соединить или неизмѣнно возстановить другъ противъ друга двѣ имперіи. Онъ выразилъ желаніе, чтобъ Англія содѣйствовала Россіи. Соображенія политическія и другія должны бы заставить Англію въ ея собственныхъ интересахъ и въ интересахъ Европы поступить такъ. Англія вмѣстѣ съ Россіей заслужила бы благодарность восточныхъ племенъ и пріобрѣла бы надъ ними вліяніе. Это былъ случай, который могъ не повториться. Кромѣ того онъ выражалъ большую заботу о томъ, чтобы настоящій случай былъ использованъ для утвержденія добросердечныхъ отношеній между англійскимъ народомъ и русскимъ. Это было бы средствомъ разсѣять недовѣріе, которое такъ долго нарушало дружескія чувства между двумя государствами, во вредъ имъ обоимъ. Онъ боялся, что, если Англія будетъ продолжать антагонистическую политику къ Россіи, она возбудитъ въ этой странѣ такую ненависть къ англичанамъ, которая далеко превзойдетъ то, что было до сихъ поръ извѣстно подъ именемъ англофобіи.

Картины, описанныя г. Макъ-Гааномъ о гекатомбахъ череповъ, объ оскорбленныхъ и убитыхъ женщинахъ, о варварскомъ избіеніи младенцевъ въ Батакѣ, предстали въ яркихъ краскахъ журналистики передъ глазами англичанъ. Парламентъ не засѣдалъ. Лидеры народа были разбросаны по горамъ и доламъ, но тамъ и сямъ, а въ особенности на сѣверѣ находились люди, которые давно протестовали противъ турецкаго соглашенія и стояли за дружбу съ Россіей. Кобденъ это проповѣдовалъ до Крымской войны, Джонъ Брайтъ всегда былъ противъ Турціи и за Россію. Этой либеральной партіи было трудно (въ особенности Гладстону) высказываться за Россію, т. к. именно Гладстонъ былъ министромъ во время премьерства

Пальмерстона и воевалъ въ Крыму (въ 1854—55) противъ Россіи за турокъ. Г-нъ Фриманъ былъ извѣстенъ между литераторами, которыхъ пылъ доходилъ до избіенія оттоманскихъ ордъ. Послѣдователи этихъ людей существовали по всей Великобританіи и, когда появилось письмо Макъ-Гаана, они увидѣли, что время ихъ настало. Эти храбрецы уже не были гласомъ вопіющихъ въ пустынь, они готовы были мгновенно доказать на дѣлѣ „то, что проповѣдовали“.

Сначала было пожеланіе спросить, кто сочинилъ рассказъ корреспондента (Daily News), но Вальтеръ Берингъ, посланный англійскимъ посольствомъ изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, болѣе чѣмъ подтвердилъ письмо Макъ-Гаана. Описавъ церковь, въ которой тысяча христіанъ была сожжена живыми, улицы, въ которыхъ на каждомъ шагу валялись человѣческіе трупы, разлагающіяся отъ лѣтняго воздуха, и гдѣ онъ на маленькомъ пространствѣ насчиталъ шестьдесятъ головъ, изъ которыхъ всѣ отсѣчены отъ тѣлъ топоромъ или ятаганомъ, Берингъ говоритъ:

„Ахмету-Ага и его людямъ принадлежитъ честь совершить самое гнусное преступленіе, запятнавшее исторію этого столѣтія, соперникомъ ему развѣ могъ быть Нана-Сагибъ. За эту доблесть Ахметъ-Ага получилъ орденъ Меджидіе“.

И эти люди были нашими союзниками, мы поддерживали башибузуковъ. Въ то время, какъ Ахметъ-Ага жегъ, насилуовалъ, убивалъ, Британскій флотъ былъ посланъ въ Бискайскую бухту, какъ знаменательный намекъ всему свѣту, что Англія не допуститъ никакого вмѣшательства въ неприкосновенность и независимость Оттоманской имперіи.

Неприкосновенность Содома, независимость ада, ради Бога и человечества прекратимъ этотъ союзъ на всегда. Это былъ крикъ сердца, когда нація доходитъ до такого подъема духа, что онъ превышаетъ туманъ предразсудковъ и препятствія столкновенія интересовъ. Будь, что будетъ, народъ не хочетъ, не смѣетъ долѣе идти рука объ руку съ Ахметомъ-Ага и его господиномъ. Это былъ великій нравственный взрывъ, тѣмъ болѣе важный, что лордъ Биконсфильдъ съ такимъ цинизмомъ ставилъ интересы Англій выше всякихъ другихъ соображеній.

О чувствѣ въ Россіи по поводу поддержки лорда Биконсфильда турецкому правительству можно судить по нижеприведеннымъ стихамъ Тургенева, который далекъ былъ отъ увлеченія народными волненіями. Они были написаны за три мѣсяца до появленія брошюры Гладстона.

*

К р о к е т ь в ь В и н д з о р ь .

Сидитъ королева въ Винзорскомъ бору...
 Придворныя дамы играютъ
 Въ вошедшую въ моду недавно игру;
 Ту крокетъ игру называютъ,
 Катаютъ шары и въ отмѣченный кругъ
 Ихъ гонять такъ ловко и смѣло...
 Смотритъ королева, смѣется... и вдругъ
 Умолкла... лицо поблѣднѣло.
 Ей чудится вмѣсто точеныхъ шаровъ,
 Гонимыхъ лопаткой проворной—
 Катаются цѣлыя сотни головъ,
 Обрызганныхъ кровію черной...
 То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей...
 На лицахъ слѣды истязаній,
 И звѣрскихъ обидъ и звѣриныхъ когтей
 Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.
 И вотъ королева младшая дочь—
 Прелестная дѣва—катаетъ
 Одну изъ головъ—и все далѣе: прочь
 И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ,
 Головка ребенка въ пушистыхъ кудряхъ—
 И ротикъ лепечетъ укоры...
 И вскрикнула тутъ королева—и страхъ
 Безумный застлалъ ея взоры.
 „Мой докторъ, на помощь, скорѣй“. И ему
 Она довѣряетъ видѣнье,
 Но онъ ей въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему,
 Газетъ Васъ разстроило чтенье.
 Толкуетъ намъ „Times“, какъ болгарскій народъ
 Сталъ жертвой турецкаго гнѣва...
 Вотъ капли... примите... все это пройдетъ“,
 И въ замокъ идетъ королева.
 Вернулась домой и въ раздумьѣ стоитъ...
 Склонились тяжелыя вѣжды...
 О ужасъ, кровавой струею залить
 Весь край королевской одежды.
 „Велю это смыть. Я хочу позабыть.
 На помощь британскія рѣки“.
 — Нѣтъ, Ваше Величество, Вамъ ужъ не смыть
 Той крови невинной во-вѣки.

Тургеневъ.

Первый городской митингъ въ Англіи послѣ писемъ Макъ-Гаана собрался въ Дарлингтонъ. Онъ былъ многолюдный, негодующій и единодушный. Такіе же митинги послѣдовали за этимъ въ Дургамъ и Йоркширъ. Донося о характерѣ перваго изъ этихъ митинговъ, я умолялъ Гладстона стать во главѣ движенія, которое обѣщало стремиться къ освобожденію Болгаріи. Большинство сѣверныхъ городскихъ митинговъ отвергали турецкій союзъ до появленія брошюры Гладстона „О болгарскихъ ужасахъ“. Это было, по его собственнымъ словамъ, какъ Инкерманъ,—солдатская битва. Сраженіе началось побѣдой прежде, чѣмъ генераль явился на полъ. Народная молва, что не существовало анти-турецкаго направленія до появленія брошюры Гладстона, была очень оспариваема Фриманомъ и другими. Фриманъ въ письмѣ отъ 21-го апрѣля 1878 г. говоритъ:

„Это можетъ быть личное мое чувство, но мнѣ досадно, когда утверждаютъ, что всѣ наши единомышленники въ этомъ вопросѣ послѣдователи Гладстона. Посмотрите на два или три письма съ подписью John Ookley въ Д. К. Не говоря о членахъ парламента Брайтъ, Кобденъ, лордъ Грей и другихъ виѣ парламента я, сэръ Г. Коксъ, сэръ А. Ельтонъ, бывший членъ парламента, говорили въ 1854 г. совершенно то же, что мы говоримъ теперь, только никто не хотѣлъ насъ слушать. Такъ я и другіе говорили о Критѣ въ 1863 г. Въ настоящую войну я работалъ прежде, чѣмъ Гладстонъ, также поступалъ Сайдвиль и другіе. Мы, конечно, рады такому помощнику, какъ Гладстонъ, и въ извѣстномъ смыслѣ его можно назвать дѣйствительнымъ лидеромъ, но не въ томъ смыслѣ, что онъ намъ внушилъ взгляды, которые мы имѣли раньше его“.

Удивительно, какъ исчезаютъ брошюры. Знаменитая брошюра Гладстона о болгарскихъ ужасахъ, проданная въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, можетъ быть прочитана въ Британскомъ музеѣ, но достать ее нигдѣ нельзя. Поэтому я воспроизвожу здѣсь заключительную страницу этого страстнаго воззванія одного изъ величайшихъ государственныхъ людей Англіи, воззванія, на которое послѣдовалъ настоятельный и памятный откликъ. Перечисливъ факты, на которыхъ онъ основываетъ свое воззваніе, Гладстонъ кончаетъ свои доводы слѣдующимъ потрясающимъ заключеніемъ:

„Но я возвращаюсь къ тому и кончаю тѣмъ, что служить альфой и омегой въ этомъ важномъ и весьма печальномъ случаѣ. Старый слуга королевы и государства, я умоляю моихъ соотечественниковъ, отъ которыхъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ какого-либо народа въ Европѣ, зависитъ требовать и настоять, чтобы наше правительство, шедшее въ одномъ направленіи, пошло бы въ другомъ и употребило бы всѣ усилія для того, чтобы содѣйствовать другимъ

Европейскимъ государствамъ въ уничтоженіи турецкой исполнительной власти въ Болгаріи. Ихъ софты и мудры, бимбаши и юзбаши, ихъ каймаканы и ихъ паши должны, я надѣюсь, убраться со всѣмъ своимъ скарбомъ изъ страны, которую они опустошили и осквернили. Такое полное избавленіе, такое блаженное освобожденіе, единственное вознагражденіе, которое мы можемъ сдѣлать памяти этихъ грудъ мертвыхъ тѣлъ, этой оскорбленной чистотѣ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, цивилизаціи, которой нанесена обида и посрамленіе, законамъ Бога или, если хотите, Аллаха, нравственному чувству человѣчества вообще. Нѣтъ преступника въ европейской тюрьмѣ, нѣтъ каннибала на южныхъ островахъ, котораго гнѣвъ не вспыхнулъ бы и не закипѣлъ при разказахъ о томъ, что творилось, что поздно было усмотрѣно и до сихъ поръ не отмщено, что оставили по себѣ всѣ грубыя, свирѣпыя страсти, производившія это, и что можетъ вновь обратиться въ кровавую жатву на землѣ, пропитанной кровью, и въ воздухѣ, зараженномъ всѣми, какія можно только вообразить, преступными и позорными дѣлами. Что такія дѣянія одинъ разъ совершились, есть уже заслуживающій проклятія позоръ для тѣхъ изъ нашего племени, кто ихъ творилъ; но, чтобъ оставалась открытая дверь для возможнаго ихъ повторенія, было бы посрамленіемъ всему человѣчеству.

„Мы можемъ рыться въ лѣтописяхъ всего міра, но не знаю, нашли ли бы мы такой чудовищный примѣръ сатанинскаго злоупотребленія власти, данной Богомъ въ наказаніе злодѣямъ и въ поощреніе добра. Ни одно правительство такъ не грѣшило, ни одно не доказало свою несправимость въ грѣхѣ или что одно и то же, свое безсиліе въ исправленіи. Если допустить, чтобы турецкая исполнительная власть возобновила, съ разрѣшенія Европы, право своего существованія въ Болгаріи, то нѣтъ документа, отъ начала существованія политическаго общества, которымъ выражался бы протестъ противъ невыносимаго правленія или наносился бы ударъ ненавистой тиранніи, который съ этого времени не должны бы клеймить названіемъ преступленія. Но мы еще такъ низко не пали; надо съ радостью надѣяться, что не позже, какъ черезъ нѣсколько недѣль, мудрыя и энергичныя совѣщанія государствъ вновь соединенныя могутъ принести облегченіе тяжелой тревогѣ содрогающагося міра“.

Послѣ появленія Гладстоновской брошюры и еще болѣе послѣ его рѣчи въ Блэкѣтѣ (Blackheath), 9-го сентября, потокъ народнаго негодованія наводилъ всю страну. Но даже въ этомъ замѣчательномъ антитурецкомъ энтузіазмѣ внимательный наблюдатель могъ замѣтить два теченія, временно соединенныя, но которыя рано или

поздно должны разъединиться. Сильнѣйшіе, самые логичные и самые горячіе преслѣдователи жестокостей не довольствовались требованіемъ о прекращеніи союза съ Турціей, они также горячо настаивали на обязанности соединиться съ Россіей съ тѣмъ, чтобъ заставить турка освободить славянъ. Вторая группа, больше численностью, состояла изъ тѣхъ, которымъ достаточно было просить, чтобы правительство отказалось отъ союза съ Турціей, не требуя никакого содѣйствія Англіи въ походѣ противъ султана. Къ этой послѣдней секціи присоединились съ характернымъ безразсудствомъ поборники мира, хотя очевидно было и для скуднаго пониманія, что безъ соединеннаго вмѣшательства миръ былъ невозможенъ. На это болѣе умѣренные отвѣчали, что они не хотятъ впутываться въ дѣло, каковы бы ни были послѣдствія для другихъ. Несчастному раздѣленію агитаторовъ на два лагеря суждено было ускорить войну, которую избѣжать можно было. Передъ Англіей, собственно говоря, было три политики: лорда Биконсфильда—турецкая политика, Гладстона—русская политика и Брайта—воздерживающаяся политика, Первые двѣ могли не возбудить войны, послѣдняя дѣлала ее неизбежной.

Слабость агитаціи заключалась въ томъ, что массы сопротивлялись признать свою виновность въ судьбѣ христіанскихъ племенъ и считали свой разрывъ съ Турціей достаточной мѣрой. Насколько мнѣ извѣстно, второй городской митингъ въ Дарлингтонѣ, въ концѣ сентября, былъ единственнымъ, постановившимъ рѣшеніе обратиться къ правительству съ требованіемъ послать Британскій флотъ въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы онъ содѣйствовалъ русской арміи привести султана въ повиновеніе. Генераль Сумароковъ привезъ такое предложеніе царя. Дарлингтонскій митингъ совѣтовалъ его принять. Другихъ отвѣтовъ не было.

Въ отвѣтъ на мое сообщеніе, что другая серія митинговъ собирается на сѣверѣ въ пользу освобожденія славянъ, Гладстонъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо.

Замокъ Фордъ-Корнэгель.

Нортумберландъ.

30 сентября 1876 г.

Милостивый государь!

„Я не удивляюсь, что энергичные люди сѣвера берутъ на себя вести дополнительное движеніе, какъ они это дѣлали и раньше.

„Прежде, чѣмъ обвинять сербовъ въ отказѣ продолжать quasi-перемиріе, мы должны помнить, что когда они просили о перерывѣ, турки откладывали отвѣтъ двѣ недѣли (кажется) и только тогда согласились, когда, повидимому, потеряли всякую надежду на успѣхъ въ войнѣ.

„Независимость Сербіи—такой вопросъ, который я взять на себя не могу, но публичный митингъ свободнѣ меня. Повидимому, правительство теперь упорно вырабатываетъ политику, по которой лордъ Биконсфильдъ заявилъ въ Ельзбери, что они не имѣютъ поддержки англійскаго народа, и о которой лордъ Дерби признался, что они ее окончатъ ранѣ созыва парламента.

„Я дѣлаю эти замѣчанія, о которыхъ лучше не упоминать, такъ какъ мое имя слишкомъ часто является передъ публикой; но пронищательная разборчивость, съ которой пишутся Ваши статьи, не требуетъ моей помощи. Вашъ покорный слуга.

Гладстонъ“.

Когда г-жа Новикова пріѣхала въ Лондонъ, осенью 1876 года, вокругъ нея собралась группа симпатизирующихъ друзей, глубоко потрясенныхъ ужасами, происходившими въ Болгаріи. Антитурецкая агитація выражалась разными путями. Миссъ Эрби и ея другъ усердно собирали деньги для бѣглецовъ и сиротъ Босніи и Герцеговины. Нѣкоторые сочувствовали черногорцамъ, другіе жертвовали на раненыхъ въ Сербіи. Большинство склонялось въ пользу Болгаріи. Нѣкоторые смѣлые умы ратовали за Россію. Либеральная партія была въ смятеніи. Нѣсколько старыхъ виговъ и антирусскихъ радикаловъ примкнули къ предводительству лорда Гардингтона, но другая партія съ г-номъ Чемберленомъ, ревностнымъ ея поборникомъ во главѣ, была всецѣло противъ турокъ. Таково же было духовенство англиканской церкви и что еще замѣчательнѣе вся корпорація протестантскихъ раскольниковъ (Non conformists).

Потокъ народныхъ страстей вызвалъ, какъ всегда случается, и противоположное теченіе: за турокъ. Оно выразилось главнымъ образомъ въ лондонской печати и въ лондонскомъ обществѣ. Центръ его былъ въ Стаффордъ House, гдѣ туркофилы собирали фондъ для больныхъ и раненыхъ турецкихъ солдатъ. Правительство, испуганное взрывомъ, повидимому, преклонилось передъ бурей. 21-го сентября лордъ Дерби послалъ депешу сэру Генри Елліотъ, нашему посланнику въ Константинополь, совѣтуя ему изложить въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ порицанія султану за результатъ слѣдствія, произведеннаго г-мъ Берингомъ о турецкихъ жестокостяхъ въ Болгаріи, и требовать наказанія виновныхъ. Еще важнѣе то, что сэру Генри было поручено предложить, какъ умиротворяющую мѣру, переговоры между Турціей, Сербіей и Черногоріей объ уступкѣ административной автономіи Герцеговины и Босніи и о гарантіи противъ злоупотребленій въ Болгаріи.

Это привѣтствовалось нѣкоторыми лицами, какъ удовлетворительное доказательство перемѣны фронта. Но не таково было мнѣ-

віе Гладстона. 13-го октября, по возвращеніи своемъ съ сѣвера Англїи, онъ говоритъ: „я никогда не видѣлъ такого остраго выраженія народнаго чувства, распространяющагося, кажется, на всѣ классы и на всѣ мѣста“. Онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ о захватывающемъ вниманіи всѣхъ къ злобамъ дня. Сперва онъ сочувственно коснулся смерти ея брата. „Это—тяжелая утрата“, пишетъ онъ, „но она окружена великой славой и христіанскими утѣшеніями“. Потомъ онъ разсуждаетъ съ ней о томъ, что слѣдовало бы сдѣлать на востокѣ. Она въ письмѣ къ нему выразила надежду, что гнусные преступники, которыхъ султанъ наградила за ихъ участіе въ болгарской рѣзнѣ, будутъ приговорены къ заслуженному наказанію. Онъ писалъ:

„Выраженные Вами чувства, относительно опредѣленія мести виновникамъ болгарскихъ жестокостей тѣ же самыя, которыя питаю я, и которыя я старался выразить въ письмѣ, написанномъ послѣ первыхъ рѣчей лорда Дерби въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ“.

Общая ей копію второй своей брошюры по болгарскому вопросу, онъ продолжаетъ:

„Вы, вѣроятно, не читали вторую мою брошюру, въ которой перепечатана одна изъ моихъ рѣчей и нѣсколько писемъ. Черезъ день или два я получу копіи и пришлю одну изъ нихъ Вамъ“:

„Я съ грустью убѣждаюсь, что британское правительство пользуется именемъ и вліяніемъ нашей страны въ европейскихъ совѣщаніяхъ для того, чтобы противодѣйствовать желанію нашего народа существеннаго избавленія угнетенныхъ.“

„Я радъ буду узнать, какъ долго Вы пробудете въ городѣ. Мы были тамъ въ сентябрѣ, но не знаемъ еще, когда возвратимся“.

Онъ спрашивалъ, когда онъ увидитъ ее въ Лондонѣ. По полученіи ея отвѣта, онъ пишетъ 17-го октября:

„Хотя я надѣюсь скоро Васъ увидѣть въ Лондонѣ, я долженъ безотлагательно писать.“

1. „Въ общественномъ мнѣніи обозначилось несомнѣнное и рѣзкое теченіе въ пользу Турціи, судя по столичной печати. Оно касается большинства представителей идей и мнѣній, такъ называемыхъ, „высшихъ десяти тысячъ“ общества. Изъ этой корпораціи, насколько мнѣ помнится, ни по какому случаю не исходило движеній, побуждавшихъ и окончательно закрѣпившихъ какую бы то ни было изъ полезныхъ мѣръ, которыя въ послѣднюю половину вѣка такъ содѣйствовали славѣ и благоденствію Англїи.“

Они не производили реформъ въ парламентѣ, не освобождали отъ рабства негровъ, не уничтожали хлѣбнаго закона, не снимали пошлинъ съ печати, не радовались дѣлу освобожденія и переустройства Италїи. Однако, все это было сдѣлано другими, не ихъ посред-

никами, и несмотря на ихъ оппозицію. Когда я говорю о нихъ, я, конечно, говорю о большинствѣ между ними.

2. „Къ несчастью, о странѣ судятъ за границей, большей частью по столичной печати, а она гораздо понятнѣе въ провинціальной, и не думаю, чтобы вы нашли въ ней ту же туркофильскую реакцію, что въ Лондонской.

„Тѣмъ не менѣе, „эти десять тысячъ“—большая сила и по всей странѣ партія торіевъ соединяется съ ними. Я не могу сказать съ увѣренностью, какая партія возьметъ теперь верхъ. Это отчасти покажутъ, но не скоро, мѣстные выборы на вакантныя мѣста. Можетъ пройти шесть мѣсяцевъ, или около того, прежде, чѣмъ изъ этого источника извлечется достаточно свѣта“.

Такъ какъ заключительные параграфы этого письма касаются новаго предмета, мы ихъ отнесемъ къ слѣдующей главѣ.

Переписка Ольги Алексѣевны не была въ то время такою обширною, какою она сдѣлалась черезъ годъ, тѣмъ не менѣе у нея и тогда было много вѣрныхъ друзей. Одинъ изъ нихъ, Фриманъ, историкъ, написавшій *Норманское завоеваніе*, отличался самой пылкой ненавистью къ турецкому угнетенію и его друзьямъ въ Доунингъ-Стритѣ. Одно изъ первыхъ писемъ къ ней г-на Фримана, отъ 20-го октября 1876 г.—это характерная исповѣдь убѣжденія, котораго въ теченіе всѣхъ этихъ тяжелыхъ лѣтъ г-нъ Фриманъ былъ самымъ вѣрнымъ представителемъ. Онъ писалъ:

„Чувства мои противъ войны Англии съ Россіей такъ сильны, какъ только могутъ они быть у человѣка. И противъ недовѣрія или недружелюбія къ Россіи я двадцать лѣтъ протестовалъ. Надѣюсь черезъ день или два еще разъ это засвидѣтельствовать.

„Въ письмѣ своемъ въ *Daily News* (письмо отъ 24-го октября 1876 г.) г-нъ Фриманъ напоминаетъ англійской публикѣ, что война съ Россіей, если бы она когда-нибудь возникла, не была бы уже войной противъ честолюбиваго деспота, а войной противъ тѣхъ, которые вооружились за правое дѣло. Интересы Англии въ дѣйствительности не смѣшиваются съ поддержкой турецкой тиранинн, но если бы они и были затронуты этой поддержкой, то выгода должна уступить долгу. Мы не желаемъ видѣть расширенія Россіи, но если по винѣ нашего правительства мы не имѣемъ выбора между увеличеніемъ Россіи и рабствомъ Болгаріи и другихъ возставшихъ странъ, мы должны избрать увеличеніе Россіи“.

3-го ноября онъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Если бъ нашихъ министровъ можно было убѣдить честно соединиться съ Вашими въ улаживаніи дѣла, миръ могъ бы быть обезпеченъ, но именно теперь мы, имѣющіе парламентъ, такъ же без-

помощны, какъ Вы, у которыхъ его нѣтъ. Я свое маленькое слово сказалъ, чтобъ убѣдить людей, что Россія теперь нація, съ которой ссориться за правое дѣло было бы сумасшествіемъ. Глупцы у меня спрашиваютъ, слышалъ ли я когда-нибудь о Польшѣ,—тори всѣ противъ Польши,—я отвѣчалъ: мы не противились Россіи, когда она поступала неправильно, неужели мы станемъ противъ нея, когда она права“.

„Я счастливъ, что очень мало знакомъ съ высшимъ лондонскимъ обществомъ и съ тѣмъ, что оно называетъ хорошимъ вкусомъ. Если великосвѣтское общество любитъ турокъ, они заслуживаютъ того, чтобы турокъ у нихъ расквартировали“.

27-го ноября Фриманъ писалъ о сердечномъ приѣмѣ, оказанномъ ему его аудиторіей въ Эгзетеръ и Манчестръ, когда онъ говорилъ о Восточной Европѣ. Онъ пишетъ:

„Въ этомъ и другомъ мѣстѣ мои слушатели дали сердечный отвѣтъ на все, что я говорилъ о вредѣ войны съ Россіей, что теперь имъ пришлось бы воевать не съ честолюбивымъ деспотомъ, но съ народомъ, дѣйствующимъ за правое дѣло. Большинство ли мы, я сказать не могу, но я увѣренъ, что мы составляемъ достаточно большую часть англійскаго народа, чтобы заставить даже еврея въ его самоувѣренности задуматься прежде, чѣмъ начать войну. Вы бы должны сдѣлать все возможное, чтобъ дать понять англійскому народу, что въ настоящее время Россія—нація, сердце которой предано добру“.

Еще болѣе сердечно было письмо сэра Джорджа Коксъ о пораженіи сербовъ, которое Фриманъ прислалъ г-жѣ Новиковой.

2 ноября.

„Не знаю, что сказать объ этихъ ужасныхъ извѣстіяхъ. Вся эта рѣзня касается насъ; единственное оправданіе для нашихъ правителей, которые въ вакантное время дѣлаются настоящими деспотами, то, что они сами въ заблужденіи, что они вѣрятъ лжи, что турокъ можетъ измѣниться. Странно думать, что они этому вѣрятъ, и что немногочисленные, такъ называемые, мятежники оставлены для того, чтобы мириады враговъ ихъ погубили только потому, что противъ предполагаемыхъ интересовъ Англии, чтобъ русскій завладѣлъ Стамбуломъ. Я самъ, конечно, этого не желаю и, если бы мы поступали такъ, какъ мы хотѣли лѣтъ десять тому назадъ, конфедерація отъ Адриатики до Евксинскаго сдѣлала бы это невозможнымъ. Но зло произошло тогда, когда Наваринская битва была названа досаднымъ событіемъ. И съ того дня и до этой минуты всѣ наши дѣйствія на востокѣ просто постыдны. Насколько я могу судить, мы опозорены въ глазахъ Европы, а это неприятно, хотя

это мало значить въ сравненіи съ побѣдой правды. Неужели ничего нельзя сдѣлать, чтобъ помѣшать дѣламъ стать еще хуже. Несомнѣнно, что нашу исполнительную власть слѣдуетъ укоротить и рѣшенія мира и войны должны у нея быть отняты. Это была бы смерть дипломатіи, а день, въ который это бы произошло, былъ бы дѣйствительно свѣтлымъ днемъ.

Вырѣзки письма Сандвита получены. То, что онъ говоритъ, ни на іоту больше того, что я предполагалъ. Невольно поднимаются руки и восклицаешь: „доколѣ, о Господи, доколѣ“. Но мы должны что-нибудь дѣлать. Если результатомъ всѣхъ этихъ ужасовъ будетъ усмиреніе торіевъ и дипломатіи, свѣтъ будетъ имѣть причину порадоваться. Сандвигъ можетъ рассказывать, что добросовѣстность и независимость Оттоманской имперіи—проклятыя слова. Они сдѣлали столько же вреда, какъ вѣра въ колдовство“.

Война въ Сербіи продолжалась до 1-го ноября, когда, подъ давленіемъ русскаго ультиматума, султанъ согласился на восьмидневное перемиріе. На слѣдующій день лордъ Августъ Лофтусъ, нашъ посланникъ въ Россіи, послалъ длинное донесеніе, сообщающее о самомъ благопріятномъ разговорѣ, которымъ удостоилъ его Государь, въ которомъ Его Величество отрицалъ всякое желаніе брать Константинополь и излагалъ русскую политику въ такихъ выраженіяхъ, которыя, по заявленію лорда Дерби, были приняты съ большимъ удовлетвореніемъ британскимъ правительствомъ.

Императоръ настоятельно просилъ посла сдѣлать все отъ него зависящее, чтобъ разсѣять подозрительность и недовѣріе къ Россіи, существующее въ Англии. Денеша эта была получена въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ седьмого или восьмого ноября¹⁾. Въ этотъ день лордъ Дерби, отъ имени правительства, выразилъ большое удовольствіе, съ которымъ оно приняло увѣренія Царя, а на слѣдующій день лордъ Биконсфильдъ, въ отвѣтъ на отзывъ Импе-

¹⁾ По поводу этой депеши лордъ Непиръ-Этрикъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ: „съ тѣхъ поръ, какъ я Вамъ писалъ, мы получили депеши изъ Крыма. Съ точки зрѣнія Англии въ нихъ много обезпеченія и удовлетворенія. Когда я переносусь на точку зрѣнія Россіи, т. е. если бѣ я былъ русскимъ, я думаю, что я считалъ бы, что Государь слишкомъ щедро давалъ увѣренія и засвидѣтельствованія иностранному дипломату, и я бы сожалѣлъ о томъ, что Его Величество сказалъ, что онъ разрѣшилъ отъѣздъ добровольцевъ *pour jeter de l'eau froide*, потому, что этимъ Государь уменьшаетъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ національный порывъ, имѣющій свою естественную и достойную сторону, хотя англичанинъ долженъ объ этомъ сожалѣть. Вообще, такъ какъ я всегда вѣрилъ въ челоуѣколюбіе и благородство души Императора, я думаю, что онъ желаетъ мира, и я надѣюсь, что конференція найдетъ способы его обезпечить“.

ратора, употребилъ всё усилія, чтобъ возбудить горячку войны противъ Россіи рѣчью въ Гильдъ-Холѣ. Онъ объявилъ, въ выраженіяхъ, всѣмъ понятныхъ, хотя онъ ни разу не коснулся именъ Турціи и Россіи, что „Англія не такая страна, которая должна спрашивать позволенія, можно ли ей вступить во второй или третій походъ“.

„Въ справедливомъ дѣлѣ Англія будетъ сражаться до тѣхъ поръ, пока справедливость восторжествуетъ“. Рѣчь эта была принята въ Англіи и за границей, какъ прямая угроза Россіи. На другой день Государь въ отвѣтъ депутаціи, ожидавшей его въ Москвѣ, объявилъ, что онъ твердо рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, если онъ не получитъ необходимаго ручательства въ исполненіи того, что онъ имѣетъ право требовать отъ Порты. Только двѣнадцать дней послѣ того, какъ рѣчь лорда Биконсфильда пропитала общественные умы, его правительство согласилось опубликовать депешу лорда Лофтуса, съ трогательнымъ призывомъ довѣрія со стороны Царя, которому лордъ Биконсфильдъ сдѣлалъ такой грубый пріемъ. За недѣлю до этого, Государь повелѣлъ мобилизовать часть арміи, и войска начали сосредоточиваться въ Кишиневѣ. Можно думать, что англійскіе министры были порядочно напуганы выходкой своего главы. Во все это тяжелое время ихъ взаимныя отношенія были таковы, что лордъ Биконсфильдъ можетъ говорить, что хочетъ, но контроль и иностранная политика партій должна быть въ рукахъ лорда Дерби, лорда Сальзбери и лорда Карнарвонъ. Поэтому, чѣмъ миролюбивѣе были рѣшенія кабинета, тѣмъ воинственнѣе были рѣчи лорда Биконсфильда. 8-го лордъ Дерби выразилъ удовольствіе правительства удостовѣреніями Царя и, повидимому, тотъ же кабинетъ рѣшилъ послать лорда Сальзбери представителемъ Англіи на конференцію, собирающуюся въ Константинополь, для рѣшенія восточнаго вопроса. Лордъ Сальзбери всегда былъ антипатиченъ лорду Биконсфильду. Назначеніе его было всего болѣе по сердцу Гладстону, какъ доказательство, что кабинетъ, наконецъ, дѣйствительно намѣренъ вести болѣе разумную и челолюбивую политику на востокъ, нежели та, которая велась до сихъ поръ.

Встревоженная этими признаками приближающейся войны, Ольга Алексѣевна писала съ горечью Гладстону, называя его своимъ другомъ.

14-го ноября Гладстонъ отвѣчалъ:

„Дорогая г-жа Новикова. Я очень цѣню названіе, которое Вы такъ добры, что дали мнѣ, но не смѣю принять его, пока это дѣло не разъяснилось, Вы можетъ быть захотите отказаться отъ него. Испытайте меня немного долѣе, я хочу Вамъ сказать слѣдующее:

„Исторія народовъ печальна, т. е. исторія ихъ правительствъ.

Я прихожу къ грустному убѣжденію, что хотя добродѣтель высшаго свойства существуетъ въ высшихъ сферахъ индивидуально, но ее можно главнымъ образомъ найти въ массахъ, а исторія правительствъ— самая безнравственная часть исторіи человѣчества. Мнѣ часто приходится злословить на моихъ соотечественниковъ, или ихъ правителей. Не долженъ ли я имѣть эту свободу и относительно другихъ? Присмотритесь ко мнѣ больше прежде, чѣмъ Вы рѣшите, безпристрастенъ ли я и заслуживаю ли я чести быть Вашимъ другомъ.

„Не очень пугайтесь рѣчи лорда Биконсфильда.

„Я имѣю надежды на миръ. Я слышалъ, что стрѣлявшіе въ спины русскихъ офицеровъ были валахи, которыхъ очень много въ сербской арміи, а не сербы.

„Я смотрю на Вашего Государя, какъ на самаго совершеннаго джентльмена, и, въ общемъ, я не огорчаюсь тѣми затрудненіями, которыя турокъ внесъ въ конференцію. Я думаю, Вы можете быть увѣрены, что Сальзбери не таковъ, какъ нѣкоторые въ правительствѣ, онъ не рабъ Дизраэли“.

За четыре дня до этого, Гладстонъ прислалъ ей отчетъ о митингѣ, который доказывалъ, что мнѣнія высшихъ и парламентскихъ классовъ были очень разнорѣчивы. Онъ говоритъ:

„Ни одна изъ великихъ и полезныхъ мѣръ, съ которыми связано имя націи, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, не была, какъ я уже говорилъ, проведена большинствомъ этого класса, а только меньшинствомъ. Лордъ Гарлингтонъ долженъ считаться съ этимъ. Я, слава Богу, свободнѣе“. Хотя онъ былъ доволенъ назначеніемъ лорда Сальзбери представителемъ Англіи на Константинопольской конференціи, однако, онъ ей напоминаетъ:

„Помните, я не могу ручаться, что лордъ Сальзбери не сдѣлаетъ ошибокъ и даже важныхъ. Все же я надѣюсь, что отвѣтственность и опытность въ дѣлахъ дадутъ ему требуемую твердость сужденій.

„Есть Англія, желающая получить Критъ, но также, я надѣюсь, есть болѣе сильная и разумная Англія, которая не желаетъ этого“.

22-го ноября онъ говоритъ ей, что онъ всецѣло поглощенъ своей статьей объ элинскомъ факторѣ въ Восточномъ вопросѣ. Услышавъ, что генераль Игнатъевъ неодобрительно отнесся къ греческимъ притязаніямъ, онъ продолжаетъ:

„Мы получили сегодня депешу Лофтуса отъ 2-го ноября съ полнымъ отчетомъ миролюбивой и христіанской рѣчи Императора въ этотъ день. Лордъ Дерби, какъ приличествуетъ, призналъ ее таковой 3-го. Суть ея была телеграфирована такъ, что Дерби уже ее зналъ, когда говорилъ свою рѣчь 9-го. Мы также въ первый разъ узнаемъ настоящія условія основанія конференціи, составленныя лордомъ

Дерби. Долженъ сказать: я нахожу, что Россія дошла до крайнихъ предѣловъ умѣренности, согласившись на нихъ. Россію всегда обвиняли въ томъ, что она поощряетъ на столько реформы въ Оттоманской имперіи, чтобъ возбуждать хроническое раздраженіе, и дѣлаетъ это для того, чтобы имѣть предлогъ вмѣшаться въ дѣла, когда ей вздумается.

„Всѣ ничтожные планы и такіе, какъ планъ лорда Дерби, въ своемъ естественномъ толкованіи только способствуютъ такой политикѣ. Что касается независимости славянъ, это превратилось въ фарсъ. Неужели это было принято какъ основаніе для конференціи? Вы, вѣроятно, замѣчаете отзывы и поведеніе турецкой прессы о торійской прессѣ въ Англіи. Удивляюсь, почему Россія не пользуется тоже прессой здѣсь“¹⁾.

„Изъ сегодняшнихъ депешъ вижу, что лордъ Сальзбери предложитъ Портѣ двѣнадцать мѣсяцевъ для реформъ, въ случаѣ неудачи предстоить вмѣшательство иностранныхъ державъ. По моему мнѣнію, это насмѣшка“.

„Князь Горчаковъ говоритъ о предубѣжденіяхъ Англіи; но то, о чемъ онъ судитъ, не есть настоящая Англія. Я говорилъ Вамъ, что, по моему мнѣнію, народъ не измѣнился. Нѣтъ лучшаго образца народа, какъ зрители въ театрѣ“.

„Случай произошелъ въ Ливерпулѣ, очень торійскомъ городѣ. Диссиденты, самые сильные противники турокъ, не часто ходятъ въ театры. Прошлую пятницу я былъ тамъ, и никогда не былъ такъ восторженно принятъ. Будьте увѣрены: такія демонстраціи составляютъ настоящій критеріумъ народа, хотя требуется множество такихъ опытовъ, чтобъ сдѣлаться доказательствомъ“.

Ольга Алексѣевна жаловалась на безсердечіе лорда Гартингтона и спрашивала у Гладстона его мнѣніе о назначеніи Сальзбери. Онъ отвѣчалъ:

„Очень благодарю Васъ за милое письмо. Относительно лорда Гартингтона я бы сказалъ, надо помнить, что, какъ лидеръ, онъ обязанъ придерживаться болѣе или менѣе мнѣній отъѣнка Fitzwilliam'a, чтобъ не порвать отношеній съ ними. Мнѣ бы не слѣдовало однако писать Вамъ объ этомъ; но я считаю правильнымъ высказать Вамъ мое мнѣніе о лордѣ Сальзбери, котораго я довольно хорошо знаю въ частности. Онъ мало знакомъ съ иностранными государствами и съ Востокомъ, и имѣетъ мало сноровки. Онъ рѣзокъ въ словахъ, но настоящій джентльменъ въ обществѣ. Онъ замѣчательно уменъ,

¹⁾ Гладстонъ намекалъ о подкупѣ англійской торійской прессы турецкими агентами, въ чемъ, конечно, трудно заподозрить русскую дипломатію.

не увѣренъ въ сужденіяхъ, но выше всего мелочного, не имѣетъ Дизраэльскихъ предубѣжденій, добросовѣстенъ и обладаетъ большимъ мужествомъ и характеромъ. Однимъ словомъ, назначеніе Сальзбери лучшее, что правительство до сихъ поръ сдѣлало въ Восточномъ вопросѣ“.

„Онъ человѣкъ, довѣріе котораго стоитъ приобрѣсти“, заключаетъ Гладстонъ.

Я въ то время издавалъ „Сѣверное эхо“ въ Дарлингтонѣ вблизи Гладстона. Вотъ его короткое, рѣзкое, повелительное слово, посланное мнѣ наканунѣ народнаго митинга, созваннаго для протеста противъ угрожающей рѣчи лорда Биконсфильда въ Гильдхолѣ.

Гоуарденъ 19 ноября 1876.

„Я смотрю“ пишетъ Гладстонъ „на миссію лорда Сальзбери, какъ на противорѣчіе заявленія рѣчи премьеръ-министра въ Гильдхолѣ, и если Вы встрѣтитесь снова, на что я надѣюсь, то, говоря ясно объ имѣющихся въ виду предположеніяхъ, отнесетесь благонамѣренно къ этой миссіи“.

Митингъ состоялся, и резолюціи представлены Гладстону. Онъ отвѣчалъ:

„Я вижу съ величайшимъ удовольствіемъ силу убѣжденія и характера, заставляющую жителей Дарлингтона слѣдить съ неутомимой блительностью за ходомъ Восточнаго вопроса и тѣмъ избличать въ неправдѣ имѣющихъ претензію на такое дурное мнѣніе о жителяхъ этой мѣстности, чтобы хладнокровно утверждать, будто бы въ промежутокъ между сентябремъ и ноябремъ они перемѣнили мнѣніе“.

Потому именно, что вся министерская печать такъ настойчиво утверждала, что народъ измѣнилъ мнѣніе, и состоялась конференція въ Сентъ-Джемсъ-Холѣ.

Сообщено Е. С. М.

